

Использование термина *научная парадигма* – одно из проявлений антропоцентричной философии науки^[1]. В отличие от научной теории, парадигма представляет собой образец, которому следуют в своих научных построениях ученые. А то, как и что выбирается в качестве такого образца, предопределяется не только объектом исследования – в нашем случае, свойствами языка «взятого в себе и для себя», – но и социологическими факторами человеческими отношений между учеными.

Теория может стать основой для парадигмы, если научное сообщество начинает признавать ее образцом для подражания. В таком словоупотреблении парадигма – что-то вроде почетного звани («заслуженная теория» или «заслуженное научное направление»), упоминаемое при констатация успехов, достигнутых разработчиками этой теории. В речи о теории в фокусе внимания находится объект теоретического объяснения. А употребляя термин парадигма, имеют в виду, прежде всего, человеческий фактор теоретических объяснений и схему, по которой исследование проводится, протоколируется и интерпретируется.

В теории научных парадигм различают [Kisiel 1982]:

- парадигмы в широком смысле – набор взглядов, мер ценностей и используемых техник исследования,
- парадигмы в узком смысле – образцы решения конкретных задач, служащие в дальнейшем образцами для трактовки других проблем

Толкование понти «научна парадигма» содержит указание, что речь идет о «вершинном достижении», об образце того, как следует заниматься некоторой проблемой

В этом значении термин этот начал употребляться все чаще на границе XIX и XX вв. Однако звездный час его пробил в середине XX века, когда стало ясно, что от человеческого фактора нельзя отмахнуться даже в так называемых «точных» науках. Причем одновременно этот термин получил новое, «куновское» значение, не совпадающее ни с этимологическим, ни с теми значениями, которые зарегистрированы в западноевропейских и в русском языках на протяжении многих веков. Именно в это время научной парадигмой стали называть «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [Kuhn 1962].

В то же время, «парадигмой теории языка» может быть названа целая система взглядов в совокупности с набором показательных примеров (то, что иначе называют образцом, примером для подражания или «моделью») того, как следует описывать и объяснять языковые явления.

Показательность примеров связана с мерой эффективности, или объяснительности при решении конкретных задач. Далеко не обязательно «метрики» разных парадигм совпадают. Например, метрика генеративного описания в рамках стандартной генеративной модели не совпадает с метрикой более поздней «минималистской» концепции Н. Хомского.

^[2] Примером является технический прием, когда сначала формулируется общее правило, а потом перечисляются исключения, которые «надо запомнить». Подобные технические приемы составляют парадигму в узком смысле слова и переходят по наследству от одной парадигмы (в широком смысле) к другой. В наибольшей степени подобные приемы используются в описаниях, ориентированных на «простого» потребителя – на школьного учителя. Вот почему говорят о парадигме (опять-таки в широком смысле) «традиционных», или «школьных» грамматик. В рамках сравнительно-исторической парадигмы, а затем в структурализме, в порождающей грамматике, в функциональной грамматике, в грамматике текста (этот набор «парадигм» констатируется в работе [Jacobsen 1986]) подобные приемы либо запрещаются (поскольку там стремятся объяснить те же явления, не прибегая к списку исключений), либо допускаются с оговорками или маскируются. То есть, парадигмы связаны между собой в узком и в широком смысле.

-29-

В современных науковедческих текстах эта парадигма иногда «очеловечивается»: так, парадигмы, подобно людям, могут «мирно сосуществовать» между собой, а могут и входить в конфронтацию. Так, драматизируя события в интеллектуальном мире, о появлении новой парадигмы иногда говорят как о «победе» какого-либо взгляда на вещи, то есть о сильной теории («завоевывающей» новые рубежи науки), сравнимой с походами Чингисхана^[3].

Итак, чтобы придать теории статус парадигмы, ее очеловечивают, приписывая воинственность и мстительность. Однако не будем забывать: сама теория (как мысленная конструкция) не бывает ни наступающей (революционной), ни вялой: нахрапистыми или деликатными бывают теоретики, «выдвигающие» и «продвигающие» эту теорию.

Чаще говорят не о парадигме некоторого лидера (скажем, о «хомскианской парадигме», о «гумбольдтовской парадигме» и т.п.): в таком контексте принято употреблять термины «учение» и «теория». Термин *парадигма* употребляется в сочетании с указанием на некоторую абстрактную идею или понятие, привязанное к «вершинному достижению» в решении задачи по некоторой схеме. Так, говоря о дескриптивистской, генеративистской, антропоцентрической парадигме, имеют в виду набор техник описания и объяснения фактов.

Эти парадигмообразующие идеи – ключевые понятия – являются орудием (или «оружием») завоевания новых вершин, также как и новые методики наблюдения и обработки материала. Например, Л. Витгенштейн вошел в историю как автор нескольких парадигмообразующих идей. Он известен как популяризатор использования (в качестве инструмента для обнаружения новых истин) понятия «семейного сходства», впоследствии позволившего открыть парадигму теории прототипов в психологии и теории языка. Другая идея Витгенштейна – метафора «язык – это игра со своими правилами игрового поведения», по мнению некоторых [Dumoncel 1991], заложена в поздних исследованиях Г. Фреге. Эта идея позже была модифицирована (в частности,

Дж. Остином) в «парадигму» теории речевых актов, основная идея которой – «Высказывание – не объект, а действие».

[31] Типичны такие фигуры речи: *Structuralism as defined by the Prague School was accepted as the basis of linguistic analysis. Then the Chomskyan paradigm swept the United States and eventually most of the world's academic community* «Структурализм в смысле Пражской школы был основой лингвистического анализа. После этого хомскианска революция прошла метлой по Соединенным Штатам и даже по большинству академических сообществ» [Raffler-Engel 1988, с.245]. И далее: *When the Chomskyan fad passed, structuralism was resuscitated with a vengeance and, unfortunately, pushed to different albeit equally absurd, extremes. Consequently, in recent times it has again been discarded as a faulty approach* «После того, как увлечение Хомским прошло, структурализм воскрес с чувством мстительности и, к несчастью, дошел до других, но столь же абсурдных, крайностей. В результате недавно от него вновь отказались как от заблуждения» (там же).

-30-

Среди этих инструментов мы находим не только радикально новые идеи, но и переосмысление старых понятий. Так, когнитивная парадигма научного знания, представляющая «одно из самых перспективных направлений в исследованиях междисциплинарного характера» [Кубрякова 2004, с.41], в языкознании представлена «парадигмой когнитивной лингвистики», в которой, по [Rudzka-Ostyn 1993], предлагаются следующие обновления старых взглядов:

– язык – одна из когнитивных областей человека (one domain of human cognition), связанный с другими областями и поэтому отражающий взаимодействие психологических, культурных, социологических, экологических и других факторов; поэтому-то язык должен быть предметом междисциплинарного исследования;

– языковая структура зависит от «концептуализации», которая, в свою очередь, является результатом опыта в освоении человеком себя и окружающего пространства, а также отношений к этому внешнему миру;

– единицы языка также подчиняются категоризации, приводящей к сетям «концептуальной» зависимости, организованным по принципам прототипов; большая часть этих связей носит метафорический и метонимический характер;

– грамматика мотивирована семантикой^[4];

– значение языковой единицы – концептуальная структура, «конвенционально» связанная с этой единицей; связь эта основана на образных ассоциациях с физическим пространством; поскольку подобные концептуализации очень зависят от такого окружения, значения нельзя сформулировать в универсальных терминах, они уникальны для каждого языка;

– значения задаются в терминах «релевантных» структур знания (типа «концептуальных областей», «сцен», «наивных моделей», «когнитивных моделей»); среди этих структур различаются фокусные и фоновые;

– в силу сказанного, синтаксис, морфология, фонология, лексикон, семантика и т.д. зависят друг от друга, не обладают «автономией» от внеязыкового поведения и от внеязыкового знания.

Однако парадигме, лидером которой является Е. С. Кубрякова, присуща не только привлекательность техники объяснения фактов, но и привлекательность очеловеченных идей.

[Содержание](#)

2. Один и тот же человек может принадлежать сразу к нескольким разным парадигмам

Известный пример этого – Лейбниц [Brown 1989]. Когда он писал по-французски, то ориентировался на среду, в которой в то время царили совершенно

^[4]Иными словами: свойства языковых форм выводимы из семантических и прагматических потребностей человека.

-31-

иные настроения и интеллектуальные течения (а именно, дух Просвещения), чем в родной ему Германии. Для французов он писал именно в духе «систем и гипотез», здесь особенно популярна была его «Теодицея». Латинские же произведения его были выдержаны в схоластическом духе, адресованы другой публике и были не менее популярны – но в иной среде. Лейбниц представляет собой, таким образом, пример «полипарадигмальности», сходной с многоязычием.

Е. С. Кубрякова, кроме когнитивно-дискурсивной парадигмы, является ярким представителем и парадигмы российской словообразовательной школы.

[Содержание](#)

3. Парадигма является «накопительной системой знаний»

Исследователи, работающие в рамках одной и той же парадигмы, добавляют все новые и новые «единицы хранения», образцы и технические приемы (схемы) решения задач. С течением времени все большее число задач решается в опоре на достижения предшественников – сторонников этой же парадигмы.

Действительно, в рамках «нормальной науки» (в смысле Т. Куна) результаты должны быть выполнены в одном формате, то есть должны быть «сопоставимыми»: выводы, полученные одним представителем данной парадигмы, квалифицируются как повторяющие, обобщающие, конкретизирующие или опровергающие выводы предшественников. В рамках конкретной парадигмы задачи решаются доказательным путем, когда опираются на достижения предшественников. Более того: достижения коллег – соратников по парадигме – существенны для науки в той мере, в какой на них можно опереться в дальнейших исследованиях основного предмета. Переход же из одной парадигмы в другую, мы вынуждены все те же факты объяснять заново. В частности поэтому Б. Мальмберг считает, что концепция В. фон Гумбольдта не создавала новой парадигмы: корни этой концепции лежали в эпохе Просвещения, методы сбора и осмысления материала также были

созвучны этой эпохе [Malmberg 1990]. Подход к языку как к «неисчерпаемо открытой возможности» (*unbegrenzt offene Möglichkeit*) отличает Гумбольдта от более поздних структуралистских концепций, действительно составивших новую парадигму (там же, с.28): а именно, от взгляда на язык как на закрытую систему.

Иначе говоря, накопление знаний возможно только в рамках определенной парадигмы [Stegmaier 1988]. И это свойство можно использовать для выяснения того, составляют ли два направления теории основу одной или двух разных парадигм.

История теорий языка показывает, что лингвистика – одна из тех дисциплин, в которых появление новой теории, новых идей не вызывает крушения

-32-

и радикального пересмотра старых данных. Эту историю можно поэтому рассматривать как развитие парадигм, а не просто «идей и методов». Недаром до последнего времени наиболее часто в русскоязычной литературе говорили об «истории лингвистических учений», а не об «истории лингвистических теорий». Ведь русское *учение* очень близко к современному значению термина *парадигма*.

Гуманитарные науки обречены на политеоретичность^[5], а следовательно, на отсутствие единого парадигматического стандарта. В языкознании вряд ли когда-нибудь закончится «спор о парадигмах» (*Paradigmendebatte*), при котором речь идет не столько о расширении набора «позитивных знаний», – как в «нормальных» науках, – сколько, по [Kopperschmidt 1977], о злободневности и приложимости тех или иных теоретических объяснений к фактам, об их парадигмальности. Впрочем, есть «особые» разделы науки о языке, типа риторики, где знания не столько аккумулируются, сколько на каждом последующем этапе как бы переоткрываются заново: фазы обостренного интереса к тем или иным знаниям сменяются «фазами забвения» (там же, с.3).

Это означает, с одной стороны, неизбежность **многопарадигмальности теоретического языкознания**. Но в то же время, именно поэтому в нашей науке так часто мы слышим риторический вопрос: «Ну и что же нового дает нам эта новая теория для описания языка?»

В рамках парадигмы Е. С. Кубряковой ставятся увлекательные задачи объяснения фактов, до сих пор не полностью объясненных нашей наукой.

[Содержание](#)

4. Парадигматичность – «заражение» идеей

Парадигма предполагает передачу идей от человека к человеку. Парадигма, представленная одним, пусть даже и великим мыслителем, – такой же нонсенс, что в обычном языке словосочетание **многочисленна просьба*. Следствием (а может быть, и причиной) этого являются:

- 1) харизматичность лидера направления; это предполагает не только возникновение (как бы самих по себе) новых идей, но и рост числа их сторонников – как среди специалистов, так и среди внешних наблюдателей;
- 2) нетривиальность решаемых проблем, иногда даже их загадочность;

3) наличие писанных и **неписанных «правил» и «стандартов» научной практики**

^[5]Учитывая же то, что «единообразие» – черта модерна, а «множественность» и «многозначность» – черты постмодерна, можно сказать, что гуманитарные дисциплины исходно несли в себе постмодернизм.

-33-

доказательства и описания, способствующие взаимопониманию исследователей-соратников на специальном жаргоне данной парадигмы иногда «с полуслова».

Итак, система парадигмообразующих идей должна быть привлекательной, широко признанной среди большого количества сторонников, а в то же время нетривиальной. Отсюда вытекает необходимость постоянного общения коллег, работающих в одной парадигме. Ученые, работающие вне парадигм, подобны ракам-отшельникам, а сторонники одной парадигмы стремятся к человеческому общению. Возникающие отсюда статусные иерархии ролевых отношений между людьми способствуют оптимизации и ускорению научного прогресса: можно по-человечески симпатизировать друг другу, но работать в разных научных парадигмах; и наоборот, далеко не все сторонники одной и той же научной парадигмы находятся в идеальных человеческих отношениях. Парадигмальное сообщество близко к идеалу, когда межличностные отношения в нем гармоничны, а члены сообщества опираются на общие «стандарты научной практики».

Многие из нас, друзей Е. С. Кубряковой, сначала были увлечены ее личностью и лишь после этого осознали, насколько глубоко оказались вовлечены в волшебную ее парадигму.

[Содержание](#)

5. Как образцы общечеловеческой практики **парадигмы выходят за рамки узких дисциплин, а потому междисциплинары и являются своеобразными «рычагами», с помощью которых приемы одной научной дисциплины прилагаются к объяснению явлений другой области знания**

Например, в когнитивной лингвистике используются приемы рассуждения компьютерологов, отчего и возникает своеобразный псевдокомпьютерный метаязык некоторых современных теорий языка. Именно поэтому иногда парадигмой конкретной науки называют в этой связи влияние других дисциплин [Grayling 1996].

Так, часто говорят, что «парадигмой знаний» для рационалистов (например, для Р. Декарта) была математика, в которой все положено добываются путем интуиции и рационального вывода. Именно поэтому для рационалистов

существенны были вопросы о природе логического вывода, об оправданности его, о природе истинности. А для эмпиристов (например, для Д. Юма) такой «парадигмой» были естественные науки, в которых на первом месте находятся эксперимент и наблюдение. Для эпистемологов же, занимающихся проблемой знания, существенны обе парадигмы «организации знания» (в смысле

-34-

[Stone 1996]) – технологии организации разрозненных знаний в целостную картину.

В более позднюю эпоху – в XX веке – социологи науки констатируют другой парадигмальный переход: от философии сознания к философии языка [D'Entrèves 1996], [Ulrich, 1997]. И вместе с тем от субъектно-ориентированного рассмотрения – к рассмотрению предмета в рамках коммуникации, к «коммуникативной» парадигме [Habermas 1985].

Таким образом, теория и даже целая дисциплина может стать парадигмой в силу своей привлекательности в данную эпоху. А привлекательность идей заключается, не в последнюю очередь, в продуктивности их.

Итак, если сегодня ученый употребляет термин *парадигма* в позитивном или нейтральном смысле, то обычно он имеет в виду господство некоторой идеи, преобладание некоторого («парадигмального») взгляда на вещи, выходящее за рамки одной научной дисциплины.

Например, именно так определяет Ю. С. Степанов парадигму (или «философию языка»): «господствующий в какую-либо данную эпоху взгляд на язык, связанный с определенным философским течением и определенным направлением в искусстве, притом таким именно образом, что философские положения используются для объяснения наиболее общих законов языка, а данные языка в свою очередь – для решения некоторых (обычно лишь некоторых) философских проблем» [Степанов 1985, с.4]. И далее: «“Парадигма” связана с определенным стилем мышления в науке и стилем в искусстве. Понятая таким образом “парадигма” – явление историческое» (там же).

Идеи, образы и аналогии, приводимые Е. С. Кубряковой в устных и письменных выступлениях, очень часто навеяны аналогиями из самых отдаленных областей знания: от нейропсихологии и медицины – до компьютерологии.

[Содержание](#)

6. Принадлежность к парадигме проявлена не только в методах исследования, но и сигнализируется общностью метаязыка и стилистики подачи мыслей.

Так, исследование особенностей текста научных сочинений [Markkanen, Schröder 1992] показало, что сторонники одних парадигм чаще прибегают к «загородочным» предикатам^[6], чем другие. Различаются авторы и по употребительности

^[6]По-английски *hedging*, т.е. средство «уйти от ответственности» за истинность своих слов. К. Поппер мог бы такие средства выражения поместить в рубрику нефальсифицируемых (а потому не подходящих для действительной науки) средств выражения [Popper 1962].

-35-

личных местоимений (авторских *я/мы*), активных и пассивных форм наклонения, модальных слов. Кроме того, тексты одних парадигм более образны и метафоричны, чем других.

Использование своего научного жаргона – как и в быту – своеобразный опознавательный знак принадлежности к данному кругу, знак солидарности: «Я думаю так же, как и ты; я – сторонник данной парадигмы». Именно поэтому ключевые положения конкретной парадигмы высказываются на разные лады, играя ритуальную роль в научном общении. Некоторые термины, получившие такую ритуальную функцию в рамках одной парадигмы, иногда вольно или невольно избегаются в других парадигмах. Например, термины *когниция*^[7], *концепт*^[8] и т. п. стали ритуальными (сегодня «модными», а на самом деле – просто опознавательными) знаками для когнитологов, хотя и употреблялись до когнитивистов и будут еще долго, если не всегда, употребляться в гуманитарных науках. Эти термины в последние годы вызывают досаду тех, кто не считает себя когнитивистом: ведь в рамках других парадигм этих терминов приходится избегать даже тогда, когда они вполне уместны.

Подчеркнутая техничность формулировок когнитивной лингвистики иногда напоминает жаргон вычислительной математики. Однако технократизм этот – всего лишь видимость: когнитивистов в первую очередь интересует освоение мира человеком. Кроме того, говоря о языке как о «системе переработки информации», лингвист-когнитивист под информацией имеет в виду не то же, что информатик. При описании и объяснении «языковой когниции» когнитивисты пользуются термином *информация*, оптимистично предполагая, что человеческий разум хотя бы отдаленно похож на компьютерную информационную систему в том технологическом виде, в каком она предстает современному информатику. А «разумное поведение» человека рассматривается как отдаленный прообраз операций, осуществляемых компьютером. «Ментальные» основы понимания и продуцирования речи изучаются с точки зрения того, какие структуры языкового знания в таком процессе участвуют. В отличие же от остальных «когнитивных наук», когнитивная лингвистика

^[7]По мнению когнитивистов, *когниция* – не орнаментальный иноязычный вариант термина *познание*, а процедуры получения и использования «предзнаний» (в том числе и обыденного «со-знания») – разновидности мыслительных операций, обслуживающих и сопровождающих восприятие (в частности, обработку) и продуцирование как знаний, так и языковых выражений для этих знаний.

^[8]*Концепт* в современном терминологическом употреблении – также не иноязычный вариант *понятия*. *Понятия* – «конструкты», т. е. то, о чем люди

договариваются, их люди **конструируют** для того, чтобы “иметь общий язык” при обсуждении проблем, опираясь на логические соображения; **концепты же – «реконструкты»**, они существуют сами по себе, их люди **реконструируют** с той или иной степенью (**не**)уверенности, – отсюда диффузность, гипотетичность, размытость таких реконструкций.

-36-

рассматривает лишь те когнитивные структуры и процессы, которые присущи человеку как *homo loquens*.

Говоря о «смене парадигм», имеют в виду не только возникновение новых идей, но и завоевание доверия и симпатии к этим идеям со стороны все новых сторонников. Во время становления парадигмы, в целях популяризации новых идей тексты новаторов организуют так, чтобы читатель все время видел, в чем состоит новизна. Например, так устроены тексты А. Эйнштейна, Л. Ельмслева, Н. Я. Марра и т.д. Однако затем, после завоевания популярности, в период «нормальной науки» основные понятия, вводимые в рамках парадигмы, представляются как достояние всей науки в целом, а не как отдельная теория. Особенно когда достижения новой теории описываются в учебниках. Объясняя это в рамках военной метафоры, можем сказать так: на первых этапах необходимо «завоевать» сторонников, привлечь их яркими объяснениями и фактами. А составители учебников стремятся эти завоевания «легализовать» и освоить.

Е. С. Кубрякова не только возглавила школу когнитологии, она стала главным создателем словаря терминов этой школы, того языка, с помощью которого сама она формирует свои мысли о современной лингвистической теории.

[Содержание](#)

Литература:

Демьянков 2006 — Демьянков В.З. Термин *парадигма* в быденном языке и в лингвистике // Парадигмы научного знания в современной лингвистике: Сб. научных трудов. М.: ИНИОН РАН, 2006. с.15-40.

Кубрякова 2004 — Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получени знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. — М., 2004. – 569 с.

-
-
- **Лингвистические парадигмы**
-

“ В предлагаемом курсе мы обращаем внимание не столько на "смену парадигм", сколько на преемственность идей, пытааясь выявить некую единую линию развития лингвистической мысли, несмотря на её многочисленные зигзаги. ”

Левицкий Ю.А., Боронникова Н.В. История лингвистических учений. - М.: Высш. шк., 2005. - С. 3.

“ В результате появляется настойчивая тенденция представить историю науки в линейном и кумулятивном виде - тенденция, которая оказывает влияние на взгляды ученых даже и в тех случаях, когда они оглядываются назад на свои собственные исследования. ”

Кун Т. Структура научных революций. - М.: АСТ, 2001. - С. 182.

-
- Если иметь в виду самые общие принципы научного подхода к исследованию языка, то все множество лингвистических концепций, школ и течений может быть условно сведено к трем научным парадигмам.
-
- Первая из этих парадигм, **генетическая (или историческая, эволюционная)**, объединяет те школы и направления, которые опираются на **принцип историзма** и рассматривают **язык, как и действительность в целом, в его возникновении и развитии, т. е. необратимом, направленном изменении во времени в соответствии с внутренними законами самого языка и условиями его функционирования**. Становление научного исторического языкознания обязано первой четверти XIX в., философскому и общенаучному климату той эпохи. С тех пор внутри исторической парадигмы сменился ряд подходов; само же историческое языкознание выступает сегодня лишь как одна из лингвистических парадигм, утратив в первой четверти нашего века свою монополию считаться единственно научным подходом к языку. Принцип историзма в языкознании явился реакцией на спекулятивно-философские построения и конкретно-эмпирические описания предшествующего периода, выступив в качестве универсальной объяснительной и упорядочивающей категории, распространяющейся и на естественноисторические, и на культурноисторические процессы.
-
- Вторая лингвистическая парадигма, **таксономическая (или — в порядке чередования подходов внутри нее — инвентарная, структурная, а затем, с середины XX в., системная, или системно-структурная)**, собрала под свои знамена тех ученых, для которых наряду с эволюционным аспектом языка существен аспект организационный, касающийся внутреннего устройства сложного языкового целого (в отвлечении от фактора времени), выявления и группировки языковых единиц, их систематики и классификации, объединения этих единиц в нерасторжимое целое — языковую систему. Собственно говоря, инвентарный подход, имевший место еще в далеком прошлом языковедческой мысли, характеризует скорее «допарадигмальный» этап. С переходом от **конкретно-эмпирического к абстрактно-логическому уровню исследования** языка в 20—30-х годах XX в. состоялось оформление действительно научной таксономической парадигмы, опиравшейся сперва **на принцип инвариантности**, в соответствии с которым утверждается неизменность некоторой

совокупности системообразующих соотношений внутри языковой системы, постоянство структуры при тех или иных изменениях системы, а впоследствии на более фундаментальный и более гибкий принцип системности, позволяющий не сводить систему языка только к ее реляционному каркасу, не элиминировать ее субстанциальные и функциональные характеристики, связи с мышлением, сознанием и обществом, закономерности ее развития. Принцип системности означал реакцию на эмпиризм и атомизм эволюционного языкознания XIX в.

-
- Третья исследовательская парадигма в языкознании, **антропоцентрическая (коммуникативная, функциональная, коммуникативно-прагматическая, или просто прагматическая)**, оформляющаяся в последние десятилетия, опирается на принцип деятельности и провозглашает приоритет факторов, обеспечивающих успешное использование языка субъектом коммуникативной деятельности для достижения своих целей. Этой парадигме лингвистика обязана утверждением фактора человека как субъекта деятельности в самом широком смысле, деятельности общения, коммуникативной и речевой деятельности, более тесным включением в круг человековедческих наук. Принцип деятельности, в свою очередь, может трактоваться как реакция на умаление в таксономическом, системно-структурном языкознании роли человеческого фактора.
-
- Каждая из трех названных лингвистических парадигм, испытывая воздействие философских и общенаучных принципов определенной эпохи, предлагает свой подход к пониманию границ предметной области языкознания, соотношения частей языкового феномена как сложного и противоречивого целого, их значимости в развертывании лингвистического знания, вырабатывает свой содержательно-концептуальный аппарат, свои методы и процедуры исследования.
- Выдвижение на передний план то принципа историзма, то принципа системности, то принципа деятельности, как раз и определяющее направление исторического развития языкознания XIX—XX вв., не есть, однако, процесс замены одной лингвистической парадигмы другой. **Появление очередной из них не ведет к исчезновению другой или других.** Происходит лишь смена акцентов в воззрениях на языковой феномен, на первый план выдвигаются то эволюционная, то **организационная, то функциональная** стороны этого феномена. Устанавливаются и развиваются новые связи между дисциплинами, изучающими эти стороны языковой действительности.

- Источник: Сусов И.П. Языковое общение и лингвистика // Прагматические и семантические аспекты синтаксиса. Калинин, 1985. С. 3—12.
- **Раздел:** Студентам, Библиотека | **Добавлено** 9 июня 2005 г.

В науке о языке традиционно выделяются три научные парадигмы: сравнительно-историческая, системно-структурная и антропоцентрическая.

В настоящее время все более актуальными становятся исследования антропоцентрического характера. Однако, как отмечает Н.В. Бугорская, среди лингвистов нет единого понимания «антропоцентризма», как и нет единой номинации для подобного рода исследований.

Ученый предлагает **три основных варианта понимания антропоцентризма:**

- 1) антропоцентризм понимается онтологически;
- 2) антропоцентризм можно толковать как метод анализа языковых явлений; 3) под антропоцентризмом можно понимать методологический поиск.

На возможность рассмотрения антропоцентризма, с одной стороны, как онтологической, а с другой стороны, как методологической установки указывают и другие исследователи. В.М. Алпатов различает антропоцентричный и системоцентричный подходы к языку, которые, по мнению ученого, не отрицают, а дополняют друг друга, используя для разных целей. Д. Шифрин выделяет две парадигмы лингвистического знания: формальную и функциональную, выдвинув идею о необходимости их синтеза в формально-функциональную парадигму, или формально-функциональный подход к анализу дискурса. И.А. Угланова считает, что антропоцентризм становится онтологичным. В онтологичности антропоцентризма ученый видит угрозу для современной лингвистики потерять свой предмет. Характеризуя современную парадигму научного знания, Е.С. Кубрякова называет ее когнитивно-дискурсивной, определяя как синтезирующую в своих установках некоторые постулаты когнитивной лингвистики и теории коммуникации. Ю.Н. Караулов считает антропоцентризм одним из направлений социальной парадигмы современной науки о языке.

В ряде работ ставится вопрос о том, можно ли считать антропоцентризм основной парадигмой лингвистики конца XX - начала XXI вв. Для ответа на этот вопрос ученые обращаются к термину «научная парадигма» и рассуждают о том, насколько целесообразно применять его для описания современного состояния науки о языке.

Отталкиваясь от понимания парадигмы как результата «научной революции», применимость самого термина может быть поставлена под сомнение из-за характерной для науки о языке «плавности» и «недискретности» переходов от одной парадигмы к другой. По мнению П. Серию, «в лингвистике парадигмы не сменяют друг друга и не отрицают друг друга, но накладываются одна на другую и сосуществуют в одно и то же время, игнорируя друг друга». Избегая использования термина «парадигма», П.Б. Паршин употребляет термин «теория» и говорит о современных тенденциях в лингвистике не как о «парадигмах», а как о последовательных «теоретических переворотах», к которым относит исследования в области когнитивной лингвистики, коммуникативистики, лингвистики текста.

Однако в настоящее время термин «парадигма» активно используется в научном обиходе при описании современной лингвистики в «расширительной интерпретации», а именно **«и как доминирующий поход к языку, и как познавательная перспектива, и как методологическая определенная ориентация и даже научный «климат мнений»; и как «определенный подход, теория или метод лингвистического исследования, получившие широкое признание в**

лингвистическом сообществе». При таком «расширительном» подходе к определению термина «парадигма» антропоцентризм соответствует данному статусу при условии признания его все же методологической, а не онтологической установкой.

В свете идей о полипарадигмальном характере современной науки о языке вопрос о количестве парадигм, сосуществующих в лингвистике на настоящем этапе ее развития, остается открытым. По мнению Т.Н. Хомутовой, «современная парадигма - парадигма интегральная». И.А. Угланова считает, что ведущую роль в современной науке о языке играет синергетика. Синергетического понимания многих лингвистических явлений придерживается и В.Ю. Барбазюк .

Рассматривая антропоцентризм как один из «главных параметров современной лингвистики», исследователи расходятся во мнении о том, какие именно аспекты изучения языка объединяет антропоцентрическая лингвистика. Е.С. Кубрякова, говоря о связи антропоцентризма с другим «главным параметром современно лингвистики» - функционализмом, или неофункционализмом, относит к антропоцентрическим направлениям в лингвистике когнитивное направление и коммуникативное направление .

В.А. Маслова в качестве основных направлений антропоцентризма называет когнитивную лингвистику и лингвокультурологию.

В целом же исследователи называют четыре направления современной антропоцентрической парадигмы в лингвистике:

- 1) исследования языковой картины мира;
- 2) коммуникативная лингвистика;
- 3) когнитивная лингвистика;
- 4) внутрисубъектная лингвистика, или теория носителя языка, или же лингвоперсонология, теория языковой личности.

Краткий конспект лекций по дисциплине «Принципы и методы лингвистических исследований»

Лекция 1. Общие вопросы теории метода в лингвистике

1. Определение метода, методики и методологии лингвистических исследований

Методы и принципы лингвистического анализа разных сторон, аспектов языка различны. Выделение того или иного аспекта языка нередко неотделимо от метода его лингвистического рассмотрения. Сам же язык при этом определяется как явление сложное и исторически подвижное, что нашло свое отражение в той модели описания языка, которая разрабатывалась в рамках традиционного (классического) языкознания, неизменно включающего в себя такие разделы, как фонетика, лексикология, морфология, синтаксис и т.д. Каждый из этих разделов имеет свой предмет изучения и вместе с тем составляет часть единой науки о языке. Сама структура классического языкознания как науки отчетливо свидетельствует о том, что, описывая языковые явления, ученые исходили из убеждения, что язык представляет собой определенную систему.

Понимание языка как системы становится важнейшим методологическим принципом лингвистики XX в. Поэтому в качестве одной из главных задач лингвистического исследования, анализа выдвигается задача, связанная с адекватным описанием и интерпретацией отношений, в которых находятся между собой составляющие языковой системы. Однако языковая система сложна, и сложность ее заключается прежде всего в многослойности, то есть в том, что она складывается из ряда подсистем, вычленяемых на основе так называемого стратификационного принципа. Эти

подсистемы образуют уровни языка. Согласно господствующим в современном языкознании представлениям, лишь с помощью понятия уровня удастся правильно отразить такую существенную особенность языка, как его членораздельный характер и дискретность его элементов. Несмотря на это вопрос о количестве уровней в языке не имеет однозначного решения. Многие сходятся, однако, на том, что их четыре: 1) фонетико-фонологический, 2) морфемный, 3) лексико-семантический и 4) синтаксический.

Под *методом* нередко подразумевают и общую методологию наук, философский метод познания, формулирующий основные принципы теории познания в целом. Для нас таким общенаучным, философским методом является диалектический метод, согласно которому материя первична, а сознание вторично; материя и сознание образуют единство; движение есть способ, форма существования материи, поэтому материальный мир необходимо изучать, познавать в движении; явления окружающего нас мира между собой взаимосвязаны и т.д. Эти и другие принципы диалектического метода составляют философскую основу всякой науки, ориентирующейся на материалистическую диалектику, в том числе и лингвистики. С другой стороны, под *методом* подразумевается способ добывания конкретного научного знания. Следовательно, лингвистический метод и есть средство, способ, с помощью которого мы получаем сведения о языке, познаем язык. Совокупность таких способов составляет систему специальных методов. Самое общее определение метода: «...Совокупность приемов и операций познания и практического преобразования действительности». Для получения эффективных результатов с помощью специальных методов изучения языка необходимо правильно этими методами пользоваться, хорошо ими владеть. Правила, последовательность использования лингвистических методов, а также составляющих их приемов есть *методика* лингвистического анализа.

Методы и методика лингвистического анализа теснейшим образом связаны с *аспектом* и *концепцией* научного исследования.

2. Общенаучные, общие и частные лингвистические методы

В науковедении разделяются общие методы (анализ и синтез, сравнение и т.д.), общенаучные методы (наблюдение, измерение, эксперимент и т.д.) и частные методы (например, сравнительно-исторический метод в лингвистике). Конкретный вариант того или иного метода, направленный на решение определенного класса исследовательских задач, мы будем называть «методикой».

Лекция 2. Научные парадигмы лингвистического знания

В развитии любой науки, в том числе и языкознания, происходит поэтапная смена научных парадигм. Термин «парадигма научного знания» был введен Т. Куном в его работе «Структура научных революций». **Парадигма – это** «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений». В истории языкознания выделяется **три научные парадигмы - сравнительно-историческая, системно-структурная и антропоцентрическая.**

1. Сравнительно-историческая парадигма связана с господством сравнительно-исторического метода в исследовании языка. Наука занималась вопросами происхождения языков, реконструкцией праязыка, установлением соотношения между родственными языками и описанием их эволюции, создавались сравнительно-исторические грамматики и словари.

2. Системно-структурная парадигма характеризуется познанием структуры языка, его организации. Определяющим явился тезис Ф. де Соссюра, согласно которому объектом лингвистики должен быть язык «в себе и для себя». Парадигма продолжает свое

существование, в ее рамках проводятся исследования, вносящие существенный вклад в развитие лингвистики.

3. Антропоцентрическая парадигма возникает в результате осознания того, что «язык, будучи человеческим установлением, не может быть понят и объяснен вне связи с его создателем и пользователем» (Кравченко 1996: 6). Истоки парадигмы восходят к идеям В. фон Гумбольдта и Э. Бенвениста. Именно В. фон Гумбольдт отметил, что «человек становится человеком только через язык, в котором действуют творческие первосилы человека, его глубинные возможности. Язык есть единая духовная энергия народа» (Гумбольдт 1984: 314).

Лекция 3. Основные лингвистические принципы

В языкознании выделяются такие лингвистические принципы, определяющие развитие современного языкознания, как: экспланаторность, экспансионизм, функционализм, которые были сформулированы и обоснованы Е.С. Кубряковой, а затем получили дальнейшее толкование в работах ряда исследователей (Воркачев, Кравченко, Попова др.).

1. Экспланаторность - стремление не только описывать факты языка, но и находить им объяснение.

2. Объяснительность присутствовала и в предшествующих лингвистических парадигмах, но только в новой парадигме она выдвигается на первый план, оттесняя формальное описание, т.е. в диаде «описание-объяснение» происходит смещение акцентов.

Р.М. Фрумкина приводит афористичное описание прогнозируемого будущего лингвистики, высказанное в свое время А.Е. Кибриком, предсказавшим переход от «что-лингвистики» (описание структур) к «как-лингвистике» (описание процессов), и далее - к созданию «почему-лингвистики». Тем самым «подчеркивается ценность объяснения (хотя оно видится как задача будущего), а не только описания», что соответствовало положению дел в лингвистике предшествующих периодов. Именно «в установке на объяснение и состоит пафос когнитивной лингвистики». Описание направлено «на постижение структуры и семантики языковых объектов», объяснение — «на выяснение их функционирования». Как отметил В.А. Абаев, чтобы объяснить особенности объекта изучения, в том числе и языка, «надо выйти за его пределы. И это является законом для всех объяснительных наук без исключения. В любой науке переход от описательной стадии к объяснительной неотвратимо связан с вовлечением в свою орбиту данных тех или иных смежных наук». Следовательно, экспланаторность неразрывно связана с экспансионизмом.

3. Экспансионизм. Лингвистическая экспансия заключается в появлении новых объектов исследования, в пересмотре традиционных проблем с новых позиций. Усиление экспансионистских установок проявляется в стремлении расширить область лингвистических исследований, появлении выходов в другие науки и активном использовании сведений иных наук - культурологии, социологии, антропологии, этнологии, психологии, нейронаук и др.

В лингвистических исследованиях «фокус исследовательского внимания закономерно смещается с изученного центра на проблемную периферию и закрепляется на стыке областей научного знания: возникают этнопсихология, психолингвистика, когнитивная психология, социолингвистика, когнитивная лингвистика, этнолингвистика, внутри которых процесс междисциплинарного синтеза и симбиоза продолжается...»

4. Функционализм. Главное требование функционализма - изучать язык в действии, при исполнении им его функций. Для новой научной парадигмы характерна переориентация научных интересов с преимущественного изучения внутренних закономерностей языковой системы на рассмотрение функционирования языка как важнейшего средства общения. В процессе лингвистических исследований должны быть

«детально изучены и полностью раскрыты все законы и механизмы функционирования языка в его взаимодействии с познающим мир человеком». Таким образом, лингвистический экспансионизм тесно связан с «экспланаторностью как стремлением найти каждому языковому явлению разумное объяснение и антропоцентризмом и функционализмом как тенденциями искать подобные объяснения в роли человеческого фактора в языке и выполнением языком определенных функций».

5. К рассмотренным принципам современного языкознания, по мнению ряда ученых, можно добавить еще два - текстоцентризм и семантикоцентризм. Семантикоцентризм. Вопрос о доминирующей стороне языка - плане выражения и плане содержания - по-разному решался на разных этапах развития языкознания. В период господства системоцентрического подхода семантика не достигла значительных успехов и «лишь обращение к антропоцентризму на новой, более высокой основе дало возможность продвинуться в ее изучении». Семантикоцентрические идеи - идеи о господстве содержательной стороны языка - нашли отражение в работах Э. Сепира, А. Вежбицкой, представителей Московской семантической школы. Ю.Д. Апресян, анализируя особенности развития семантических теорий в конце XX века, указывает на расширение объекта семантики, отмечая, что им «являются ... любые языковые значения, т.е. значения лексем, грамем, дериватем, синтаксических конструкций и т.д.

Текстоцентризм. Наиболее ярко особенности антропоцентрической лингвистики проявляются в исследованиях текста, поскольку «все языковые реалии приобретают истинный смысл только в тексте. Без указания на то, как та или иная языковая единица или категория участвует в создании определенного типа текста, представление о языке будет неполным». Текст невозможно изучать вне человека, являющегося его создателем и адресатом. Текст отражает образ мира, запечатлевает в себе динамику мысли и способы ее представления с помощью языковых средств.

Таким образом, основными принципами новой лингвистической парадигмы являются антропоцентризм, экспансионизм, функционализм, экспланаторность, семантикоцентризм и текстоцентризм. В рамках названной парадигмы и в соответствии с ее принципами плодотворно развивается несколько научных направлений, наиболее значимыми из которых являются когнитивная лингвистика и лингвокультурология

Лекция 4. Антропологическое направление в изучении языка

В отечественной лингвистике об антропоцентризме как основном принципе современной лингвистики заговорил Ю.С. Степанов, анализируя концепцию Э. Бенвениста: «Язык создан по мерке человека, и этот масштаб запечатлен в самой организации языка; в соответствии с ним и язык должен изучаться. Поэтому в своем главном стволе лингвистика всегда будет наукой о языке в человеке и о человеке в языке».

Возникновение антропоцентрической парадигмы в языкознании было предопределено, поскольку сам язык антропоцентричен по своей сути, «человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции, свой интеллект, свое отношение к предметному и не предметному миру, природе, свои отношения к коллективу людей и другому человеку». Взгляд исследователя перемещается с объекта познания на субъект, анализируется человек в языке и язык в человеке.

Сущность антропоцентризма как основного принципа лингвистических исследований заключается в том, что «научные объекты изучаются прежде всего по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. ... Человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективы и конечные цели».

Лекция 5. Сравнительно-исторический метод

1. Условия, подготовившие сравнительно-исторический метод

Сравнительно-исторический метод подготавливался, вызревал в течение длительного времени, насчитывавшего столетия. Это естественно, ибо он представлял и представляет собой не только и не столько известную формально-научную, сугубо техническую процедуру, хотя и это важно, сколько отражение определенного уровня культуры и уровня осознания этой культуры. Это прежде всего достаточно строгая и вместе с тем гибкая концепция, опирающаяся на обширную фактологическую базу. Она не могла сложиться вдруг, революционным путем. Нужны были соответствующие условия, к числу которых относятся:

1. Расширение лингвистического, языкового кругозора, начавшееся с эпохи Возрождения и положившее конец средневековой узости. Оно выражалось, в частности: а) в росте интереса к греческому языку (наряду с латинским - главным языком средневековья), восточным языкам, главным образом - семитским (древнееврейскому, арабскому, сирийскому); б) в введении в круг филологических (лингвистических) интересов живых европейских языков (составление эмпирических грамматик этих языков, словарей, в том числе и многоязычных, и т.д.); это имело своим результатом выявление не только необычайного разнообразия языков, но и необходимости сопоставления их в поисках сходных черт; предпринимаются первые попытки классифицировать языки.

2. Неудовлетворенность философскими, рациональными, во многом спекулятивными, общими теориями, оторванными от реальной картины разнообразия языков; преодоление догматических представлений о языке как феномене вечном и неподвижном.

3. Осознание связи языка с формами культуры, с народным мировоззрением, характером и обычаями, что приводит к включению языка в широкий культурный контекст с подвижными границами, определяющимися этнически, исторически, географически и т.д.

4. Всеобщее распространение принципа историзма, начавшееся с естественных наук и затем охватившее и общественные науки. Приходит осознание того, что все социальные институты - закон, обычаи, религия, экономика, социальные классы и языки - непрерывно изменяются, объяснение различных состояний этих институтов в тот или иной период с помощью абстрактных принципов уже не удовлетворяло ученых; подобным объяснениям стали предпочитаться описания развития указанных социальных институтов из некоторого предшествующего состояния - с учетом объективных внешних условий, вызвавших то или иное изменение.

5. Открытие санскрита как генетически родственного европейским. В 1786 г. английский востоковед и юрист Уильям Джоунз в докладе, прочитанном в Азиатском обществе в Калькутте, пришел к выводу о том, что санскрит обнаруживает с древнегреческим и латинским языками такое сходство как в корнях глаголов, так и в их грамматических формах, которое нельзя объяснить случайным совпадением. Это сходство настолько разительно, что каждый филолог, столкнувшись с ним, должен неминуемо прийти к выводу о том, что эти языки имеют общий источник, который, возможно, уже не существует. Хотя Джоунз и не предложил разработанной методики, приведшей его к такому заключению, сам факт констатации генетического родства между языками, разделенными огромными расстояниями, распространенными на разных континентах, имел выдающееся значение: он направлял исследовательскую мысль на необходимость более развернутых сравнительных работ с привлечением как указанных им, так и других языков, поиски общего источника, возможно, уже не существующего. Следовательно, сравнение должно было бы вестись с учетом фактора времени, т.е. исторически.

Таким образом, к концу XVIII в. ход развития филологической мысли вполне подводил к тому, чтобы изучение языков велось, с одной стороны, в сравнительном плане (для выявления сходств между ними) и, с другой, - в историческом (для решения вопроса

об изменении языка в связи с изменениями в социальных институтах, в народном мировоззрении - таковы были методологические устремления филологов-романтиков, а также в поисках ответа на вопрос, каков общий источник родственных языков). Временем, состоянием и запросами самой филологии была поставлена грандиозная задача, решение которой зависело от того, будет ли найден достойный этой задачи и надежный научный метод. И он был предложен - это сравнительно-исторический метод, с открытием и внедрением которого языкознание превращается в подлинную науку.

2. Понятие сравнительно-исторического метода - научный метод, с помощью которого путём сравнения выявляется общее и особенное в исторических явлениях, достигается познание различных исторических ступеней развития одного и того же явления или двух разных сосуществующих явлений; разновидность исторического метода. Сравнительно-исторический метод позволяет выявить и сопоставить уровни в развитии изучаемого объекта, произошедшие изменения, определить тенденции развития.

Можно вычленить различные формы **сравнительно-исторического метода**: **сравнительно-сопоставительный метод**, который выявляет природу разнородных объектов; **сравнение историко-типологическое**, которое объясняет сходство не связанных по своему происхождению явлений одинаковыми условиями генезиса и развития; **историко-генетическое сравнение**, при котором сходство явлений объясняется как результат их родства по происхождению; сравнение, при котором фиксируются взаимовлияния различных явлений.

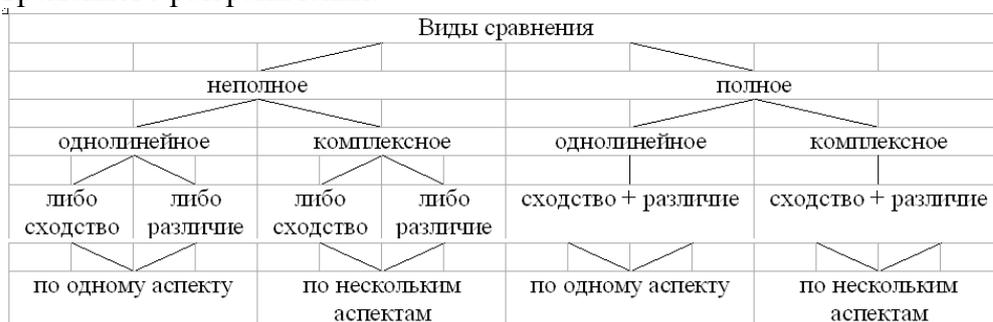
Сравнительно-исторический метод — совокупность приемов, позволяющих доказать родство определенных языков и восстановить древнейшие факты их истории. Метод был создан в XIX в., его основоположники — замечательные ученые Расмус Раек (Дания), Франц Бопп (Германия), Якоб Гримм (Германия) и Александр Востоков (Россия).

Слова в нескольких языках могут быть похожи, потому что один язык их заимствовал у другого. Но есть слова, которые заимствуются редко: простейшие числительные, прилагательные, обозначающие самые обычные признаки, названия частей тела, близких степеней родства и т. д. Не заимствуются окончания спрягаемых и склоняемых слов. И они-то как раз бывают в языках очень похожими. Причина может быть одна: они являются развитием одного слова-предка, а языки, в которых существуют такие слова,— потомки одного праязыка. В каждом языке звуки развиваются и изменяются не хаотично, а закономерно. Например, если в какой-то позиции звук [д] заменяется (в определенную эпоху) звуком [т], то такая замена осуществляется во всех словах данного языка. В результате этого родственные языки, изменяясь, сохраняют закономерные отношения между звуками исконных (незаимствованных) слов. Один язык сохранил [д], а другой во всех словах в данной позиции заменил его на [т]. Тогда существует такое соответствие: украинское [д] на конце слова соответствует русскому [т] в той же позиции.

3. Приемы сравнительно-исторического метода

Для реконструкции истории языков исследователи пользуются сравнительно-историческим методом, включающим следующие основные приёмы исследования: 1) **внешняя реконструкция** (сравнительно-исторический метод в узком смысле) — обнаружение генетически тождественных морфем и слов в родственных языках и выявление в них результатов регулярных звуковых изменений исходного языка ([праязыка](#)), построение его гипотетической модели и правил выведения конкретных морфем языков-потомков из этой модели. При сохранении в языках достаточно большого числа родственных морфем и не слишком сложной фонетической истории языков-потомков результаты регулярных звуковых изменений выступают в форме непосредственно наблюдаемых регулярных звуко-соответствий между родственными языками. В противном же случае эти звуковые изменения удаётся проследить, лишь

реконструировав промежуточные этапы развития (например, праязыки подгрупп и групп в составе семьи языков); 2) **внутренняя реконструкция** — обнаружение в системе отдельного языка явлений и соотношений, однозначно свидетельствующих о существовании некоторых элементов системы языка на более ранних этапах его истории (например, следы прежнего чередования аллофонов, сохраняющиеся в виде чередования фонем в алломорфах, сохранение следов прежних морфологических структур в реликтовых парадигмах и в виде супплетивизма и т.п.); 3) **извлечение информации из анализа заимствованных слов** (заимствования из языков, являющихся объектом реконструкции, и в эти языки); 4) **извлечение информации из данных топонимики**. Полученные реконструкции охватывают все стороны системы языка: фонологию, морфонологию, морфологию, лексику, отчасти синтаксис. Эти реконструкции, однако, не могут быть непосредственно отождествлены с исторически реальным языком-предком, они лишь моделируют имеющуюся информацию о нём как об исторической реальности, неизбежно неполную из-за невозможности реконструировать те корни, фонемные противопоставления и пр., которые исчезли во всех языках-потомках из-за трудностей временного разграничения.

Лекция 6. Методы структурной лингвистики

1. Общее понятие о структурной лингвистике.

Структурная лингвистика — языковедческая дисциплина, предметом которой является язык, изучаемый с точки зрения своего формального строения и организации его в целом, а также с точки зрения формального строения образующих его компонентов как в плане выражения, так и в плане содержания. Складывается структурное направление в языкознании, в котором язык начинает рассматриваться прежде всего как одна из знаковых систем, и на его исследование распространяется **семиологический / семиотический** принцип, требующий учитывать при анализе каждого из элементов знаковой системы те его признаки, благодаря которым он оказывается дифференцирован от всех других элементов данной системы и сохраняет тождество самому себе во всех его индивидуальных реализациях, во всех возможных вариантах.

Язык предстает как сложная многоуровневая система, включающая в себя множество взаимосвязанных и взаимообусловленных дискретных элементов (и ряд взаимосвязанных, образующих иерархию в рамках целого подсистем, которые включают в свой состав элементы определенного рода). Преимущественное внимание со стороны представителей этих направлений уделяется не столько субстанции языковых элементов, сколько их реляционным характеристикам, которые они получают, функционируя в структуре языка как члены отношений и зависимостей. Язык сводится в большей или меньшей степени к структуре, т.е. сети отношений между ее элементами. Объявляется зависимость языкового

элемента от системы в целом, от его места по отношению к другим элементам и к языковому целому. Дифференциальное содержание (совокупность различительных признаков) элемента выявляется через проверку его противопоставлений (оппозиций и контрастов) другим элементам либо в парадигматическом классе, либо в синтагматической последовательности.

Анализ текста / высказывания в качестве исходного материала проводится с целью: а) выделения в нем обобщенных инвариантных единиц (фонем, морфем, схем предложений), соотносящихся с конкретными речевыми сегментами; б) определения границ варьирования языковых единиц при условии сохранения ими самотождественности; в) установления правил перехода от языковой системы (от глубинного представления) к речевой реализации (к поверхностной структуре). Статическая структурная лингвистика стала потом базой для формирования динамической генеративной лингвистики (прежде всего порождающей трансформационной грамматики Н. Хомского), для первоначальной разработки и решения задач в области машинного перевода, для развития новых областей прикладной лингвистики, для возникновения структурной типологии языков. В структурном языкознании сформировался ряд строгих методов, предназначенных для синхронического описания языка. Лингвисты вновь обратились к **принципу логицизма**, стали использовать достижения новой (реляционной) логики и прежде всего такие дисциплины, как **логический синтаксис**, а затем и **логическая семантика**. Благодаря структурализму в языкознание стали проникать **математические методы** исследования (**математическая логика, теория множеств, топология, теория алгоритмов, теория графов, теория вероятностей, теория информации, математическая статистика и т.д.**).

2. Метод компонентного анализа

Метод компонентного анализа был развит Н. С. Трубецким применительно к фонемам и в силу своей эффективности и универсальности распространился на исследование грамматических и затем лексических значений.

Признаки для описания выделяются на основании сопоставления однородных единиц языка. Так, при сопоставлении фонемы <д> и <т> различаются по единственному признаку - звонкости - глухости; все остальные признаки у них общие, интегральные. Напротив, для фонем <д> и <б> признак звонкости-интегральный. Последовательно сопоставляя фонему, например <д>, с другими фонемами - <н>, <д>, <з>, выделяем дифференциальные признаки неназальности, твердости, взрывности, совокупностью которых и определяется фонема <д>, представляющая собой со структурной точки зрения пучок дифференциальных признаков.

На материале грамматических значений метод компонентного анализа впервые применен Р. О. Якобсоном для описания категории падежа русских существительных. Описание шести падежей достигается с помощью трех предложенных ученым семантических признаков: направленности, объемности и периферийности. Признак направленности присущ винительному и дательному падежам, значение которых всегда предполагает указание действия на объект (писать письмо, подарить товарищу и т. п.), тогда как для остальных падежей этот признак необязателен. Признак объемности указывает на границы обозначаемого предмета, подчеркивает, что объем содержания предмета, выражаемый, в частности, родительным падежом, меньше общего объема обозначаемого предмета (ср.: кусок хлеба, стакан чаю и т. п.). Другое свойство объемности заключается в невозможности падежа указывать на отсутствие предмета и характерно для предложного падежа. Семантический признак периферийности присущ дательному и творительному падежам, поскольку суть этого признака заключается в дополнительной неглавной информации, выражаемой им. Описание системы русского падежа может быть представлено в виде схемы (рис. 1). Экономность, компактность и наглядность описания предмета исследования с помощью компонентов (признаков)

достигается за счет того, что их число меньше числа описываемых явлений (в приведенном примере тремя признаками непротиворечиво и исчерпывающе описывается шесть грамматических явлений). Сусов, И.П. История языкознания. Тверь, 1999. С.138

Такие языковые единицы, как слова, могут исследоваться с помощью компонентного анализа в отдельности и лексическими группами. Описание лексических групп строится путем выделения в содержании входящих в них единиц компонентов, с помощью которых одни слова в группе различаются между собой, другие отождествляются.

Описание значений слов, образующих ту или иную лексическую группу, строится обычно в виде таблицы, в которой по вертикали располагаются анализируемые слова, а по горизонтали - названия семантических признаков, используемых для компонентного анализа. На пересечении слов и названий признаков ставятся знаки + (если признак присущ значению слова) или - (если признак в значении слова отсутствует).

Так, например, группа существительных, обозначающих чувства, может быть описана посредством следующих семантических признаков: 1) первичность (непосредственная реакция на внешнее раздражение); 2) вторичность (эмоция возникает в результате предшествующих эмоций); 3) латентность (скрытая форма, подготавливающая разрядку); 4) эксплозивность (взрывная форма, которой предшествуют латентные эмоции); 5) пассивность протекания эмоций; 6) активность протекания эмоций; 7) контролируемость эмоций сознанием; 8) неконтролируемость эмоций; 9) длительное протекание эмоций; 10) кратковременное протекание эмоций.

Рассмотрим на конкретном примере этот метод. Возьмем для анализа слово «журнал». Сначала, надо найти слово или словосочетание, обозначающее род вещей, видом которого является журнал. Такое слово - периодическое издание.

1. Значение этого общеродового понятия (гипероним) будет первым семантическим компонентом, входящим в дефиницию слова «журнал». Он отображает общие признаки журнала с другими изданиями такого рода (2 признака = издание + периодичность). Эти общие признаки называются интегральными семантическими признаками. 2. Ищут все слова, обозначающие другие виды периодических изданий и выявляют те признаки, по которым журналы отличаются от других видов периодики. Такие признаки называют дифференциальными семантическими признаками.

Помимо журналов, периодическими изданиями являются газеты, бюллетени, каталоги. От газет журналы отличаются тем, что они сброшюрованы. Если печатное издание не сброшюровано, оно не является журналом. От бюллетеня и каталога журнал отличается по другим признакам, относящихся не к оформлению издания, а к его содержанию. Например, каталоги создают для публикации данных о товаре. Таким образом, толкование слова «журнал» включает, кроме интегральных признаков, 2 дифференциальных. Для журнала это компоненты, характеризующие его со стороны внешнего вида и со стороны содержания.

Метод компонентного анализа активно развивается за рубежом. Существуют различные теории композиционной семантики (ученые Катц и Фодор - родоначальники, Барбара Патти, Анна Вежбицкая и др.). например, Вежбицкая исходит из того, что значения всех слов во всех языках могут быть описаны с помощью одного и того же ограниченного набора элементов, неразложимых как атомы в физике, т.е. семантических примитивов: многие местоимения, числительные, глаголы (делать, мочь, думать, говорить, знать, иметь), размеры (большой, маленький), наречия (где, после) и т.д. Это направление развило идею философов и математиков Декарта, Лейбница, физика Ньютона, которые пытались разработать особенный язык смысла, посредством которого могут быть истолкованы значения всех слов.

В основном, для метода компонентного анализа выделяется тезис, что «смысл предложений есть сумма смыслов входящих в него слов».

3. Метод семантических падежей

Большой вклад в развитие языка для записи смысловых структур и форм внес Чарльз Филмор. Он принял гипотезу компонентной структуры значения и идею последовательного разложения смысла слова на более простые компоненты вплоть до семантических примитивов или атомов смысла. Разделяя общепринятые взгляды на аргументную структуру предиката, он приходит к выводу, что необходимо указывать не только число аргументов данного предиката, но и их роли, т.е. семантическое содержание. Он выделяет следующие роли:

1. агент - одушевленный инициатор действия
2. объект - вещь, являющаяся объектом действия
3. контрагент - сила, против которой направлено действие
4. адресат - лицо, для которого совершается действие
5. пациент - вещь, которая испытывает эффективность действия
6. результат
7. инструмент - физическая причина действия/ стимул
8. источник - исходное состояние объекта до действия.

Он также предложил детальную концепцию лексического значения. Он является классиком лексической семантики за рубежом.

Общепринятая концепция лексического значения исходит из представлений о многослойности, т.е. включает оттенки значений, стилистически и эмоционально экспрессивные элементы значений.

Он идет дальше и расширяет значение на две части: собственно значение и пресубпозиция. Например, в высказывании «Вася - не холостяк» не утверждается, что Вася не мужчина. Т.е. если считать, что значение слова «холостяк» - взрослый мужчина никогда не состоявший в браке, то отрицательным является только вторая часть после запятой, которая является собственно значением.

Основным результатом исследований Филмора является пересмотр обычной схемы словарной статьи в толковом словаре. Он считает словарь основным средством задания семантических ролевых структур и правил их перевода в поверхностные структуры, общие с понятиями таких структур в российских исследовательских моделях управления Ю.Д. Апресяна.

Эта теория семантических падежей и семантических словарей развилась в московской семантической школе, которая создала модель «текст - смысл - текст» и в частности толковый комбинаторный словарь современного русского языка. Для такого словаря был разработан аппарат лексических функций, близких по смыслу аппарату семантических падежей Филмора. В 1984 году был издан вариант словаря «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка».

Дистрибутивный анализ как особая методика исследования языка сформировалась в амебиканской дескриптивной лингвистике. В 40-60-е годы появились многочисленные работы, посвященные описанию отдельных сторон фонетики, морфологии, синтаксиса языков различного строя.

Одним из важных следствий, вытекающих из работ дескриптивистов, является постановка вопроса о моделировании лингвистического исследования. (*На самостоятельное изучение дистрибутивный анализ в фонологии - Трубецкой*)

Апресян выделяет следующие приемы:

- 1) **Добавление элементов к данной форме.**
- 2) **Опущение элементов из данной формы.**

Например, можно опустить косвенное дополнение, которое менее тесно связано с глаголом, чем прямое; прямое же дополнение опускать нельзя: «Мартин причинил боль», но не «Мартин причинил мне».

- 3) **перестановка элементов данной формы.**

Возможность перестановки двух простых предложений в составе сложного указывает на наличие связи сочинения между ними, а невозможность такой перестановки свидетельствует о подчинительном характере этой связи.

Им можно, а вам нельзя Вам нельзя, а им можно.

НО: Она подумала, что собака убежала Собака убежала, что она подумала.

4) Субституция (замена) элемента другим элементом.

Для построения классов (частей речи, словоформ) используется принцип субституции: два элемента входят в один класс, если они способны замещать друг друга в одних и тех же окружениях без нарушения правильности данной фразы. Два элемента x_1 и x_2 считаются эквивалентными, если для любой правильной фразы вида $A_1x_1A_2$ существует правильная фраза вида $A_1x_2A_2$, и наоборот.

В зависимости от того, что считается элементом, окружением элемента и правильной фразой, субституция дает более или менее дробные классы: чем ближе к текстовой единице элемент и его окружение и чем жестче ограничения на правильность фразы, тем более дробными получаются классы. Например, возьмем фразу я читаю книгу. Здесь x_1 является слово читаю, которое мы можем заменить на слова беру, открываю и т.д., т.е. на x_2 : я беру книгу; я открываю книгу.

4. Метод непосредственных составляющих (НС).

Метод НС используется для получения синтаксической информации.

Метод НС основан на следующих содержательных допущениях: 1) существенную роль в синтаксической структуре предложения играет одно единственное отношение - отношение подчинения; 2) предложение не собирается непосредственно из словоформ, но строится последовательно, иерархически: элемент, его части соединяются в простые, «строительные» блоки, из этих блоков строятся более крупные блоки, пока все предложение не будет представлено в виде единичного блока; 3) верхом иерархии является сказуемое, или группа подлежащего и сказуемого.

В ходе анализа устанавливаются как единичные предложения, так и отношения между ними.

Для дальнейших определений, Ю.Д. Апресян вводит понятие ранга. Пара символов XY является синтагмой первого ранга, если в любой содержащей ее правильной конструкции она может быть заменена без нарушения правильности конструкции символом Y, а Y заменен парой XY. Возьмем предложение

Моя подруга купила очень красивое платье

An Nn V D Aa Na

В данном примере синтагмой первого ранга можно считать пару символов DAn (очень красивое платье), которую можно заменить на An (красивое платье). Синтагмой n-ого ранга называется пара символов XY, если в любой правильной конструкции, где X не входит в состав синтагмы (n - 1)-го ранга, она заменима символом Y, и наоборот. X и Y - непосредственные составляющие синтагмы, причем Y - ядро, X - зависимый элемент. Благодаря этому можно установить синтаксические связи между словоформами и иерархию связей. В приведенном выше примере синтагмами являются AnNn, DAa, NnV и др., причем главным является 2-ой элемент, а зависимым - 1-ый. Каждая синтагма по своим внешним синтаксическим свойствам эквивалентна ядру, взятому в отдельности.

Анализ по НС называется свертыванием:

D Ax Ax

Ax Nx Nx

Результирующий элемент предыдущей синтагмы является НС следующей синтагмы, т.е. более простая синтагма может вкладываться в более сложную, выступая в качестве НС последней.

Существует несколько правил свертывания по НС: 1) одновременно можно свертывать не более двух символов в один новый; 2) запрещается перестановка символов; 3) порядок применения правил фиксирован.

Весь процесс анализа предложения (свертывания по НС) может быть изображен тремя способами: в виде правил подстановки, в виде скобочной записи и в виде дерева НС.

Однако эта модель имеет много недостатков: 1) в ряде случаев приводит к грубейшим решениям, поскольку не дает возможности фиксировать различия в синтаксической структуре предложений. Возьмем два предложения:

Изучение событий становится интересным

Развитие событий становится интересным.

В первом случае события являются объектом некоторого действия, во втором же - события являются субъектом действия (они сами развиваются).

Анализ по НС не вскрывает этих структурных различий. 2) метод НС не показывает связи между активными и пассивными, утвердительными и отрицательными, утвердительными и вопросительными конструкциями, которые связаны отношением производности. 3) с трудом поддаются анализу экзоцентрические конструкции, конструкции с так называемыми разрывными морфемами и конструкции с аппозитивными элементами вида товарищ Иванов, князь Андрей и др. 4) по настоящему эффективной эта модель является только в рамках простого предложения. 5) не дает возможности ответить на вопрос, что является элементарной единицей языка на синтаксическом уровне.

5. Метод шести шагов Ю.Н. Караулова

В первой своей книге “Общая и русская идеография” (1976), Ю.Н. Караулов продемонстрировал принципиально новый подход к изучению смысловой стороны языка, получившей название “тезаурусного метода в семантике”. Разработанная автором теория идеографии позволила выявить единые закономерности в организации лексической системы на всех ее уровнях – от микроструктуры слова и структуры семантического поля до отраженной в языке картины мира в целом. Именно в этой книге Ю.Н. Караулов формулирует “правило шести шагов”, отражающее такое свойство словаря, как его семантическая непрерывность. Представление о тезаурусе как о семантической модели дало основание говорить о тезаурусном методе в семантике, сущность которого заключается в выявлении глобальных связей и закономерностей в семантике в связи с задачей составления словарей-тезаурусов. При этом наиболее полно выявляется «полевая» (парадигматическая) системность лексики.

Лекция 7. Методы анализа языка на фонологическом уровне

Методы анализа языка на фонологическом уровне, безусловно, могут быть отнесены к числу наиболее совершенных и плодотворных в практике лингвистического анализа в целом. Сложившись за исторически очень короткий период, ибо сама фонология как особая языковедческая наука в ее современном виде формируется в 30-х годах XX в., хотя многие положения фонологии были высказаны намного раньше, методы фонологического исследования обнаруживают большое разнообразие и богатство идей, обусловленные научно-теоретическими установками и практической ориентацией каждой из известных фонологических школ. Поэтому характеристику методов, приемов и принципов выявления, квалификации фонем как единиц языка целесообразнее давать в рамках тех фонологических школ, которыми они были разработаны и введены в научный оборот.

1. Метод изолирования (Ленинградская школа)

Ленинградская фонологическая школа, или школа академика Л.В.Щербы, - это первая фонологическая школа в России, к которой, кроме ее основателя, относятся также

Е.Д.Поливанов, Л.П.Якушинский, С.И.Бернштейн (до 30-х годов), М.И.Матусевич, Л.Р.Зиндер, А.Н.Гвоздев, Л.В.Бондарко и др. Теоретическую базу ее составили фонологические идеи А.И.Бодуэна де Куртенэ 1890-1900 гг., когда он перестает соотносить понятие фонемы с понятием морфемы и вводит в научный обиход новый термин - *аксму*, которым обозначает мельчайшую фонетическую (фонологическую) единицу языка. Вычленив фонемы из речевого потока и идентифицируя их, Л.В.Щерба пользуется особым, специально разработанным им методом, который сам же называет методом *изолирования*. Как показывает Л.В.Щерба, возможности использования этого метода достаточно широки, ибо с его помощью можно выявлять самые разные единицы языка, начиная от предложения, однако применяет его прежде всего для вычленения фонем. Постулаты и суть метода изолирования в процессе выявления фонем сводятся к следующему:

1. Звуковые (фонетические) единицы, согласно концепции Л.В.Щербы, автономны, самостоятельны. Чтобы выявить их, вовсе не обязательно обращаться к более крупным единицам языка, в составе которых они функционируют. Достаточно углубленного и вдумчивого анализа самих этих фонетических единиц методом изолирования. «Известно, - пишет Л.В.Щерба, - что такие элементы нашего сознания, как удовольствие, неудовольствие, удивление и т.п. выражаются в нашей речи интонациями (оставляем в стороне вопрос о том, что такое собственно "интонация" с фонетической точки зрения). Одно и то же слово, например "смеркается", может быть произнесено с интонацией неудовольствия, когда уменьшение света чему-либо препятствует, или с интонацией удовлетворения, радости по поводу приближения вечера и т.п. Само собой, однако, разумеется, что эти интонации существуют только в словах - вне этих последних их нельзя себе даже представить, точно так же, как невозможно себе представить отверстия для окон без стен.

Этот факт свидетельствует, как считает Л.В.Щерба, об известной самостоятельности мелодии слова, «выражающейся в способности вступать в независимые ассоциации». Если это так, то с еще большим основанием следует признать подобную самостоятельность за теми акустическими представлениями, которые передаются отдельными написаниями (например: *a, e, c* и т.д.) и, следовательно, могут отдельно произноситься и тем самым изолироваться в нашем сознании. Ряд из них соответствует целым словам, например, союзы "а", "и", междометие со значением призыва "сс..." и др.

2. Звуковые представления (единицы) обычно остаются у порога сознания, "в светлой же точке появляются лишь те, которые имеют для нас интерес в данный момент, а потому привлекают наше внимание <...> основной интерес речи лежит в смысловых представлениях..." (с.6). Тем не менее эти два типа представлений связаны друг с другом. Так, звук [л] "в словах *тил, бил, выл, дала* ассоциировано с представлением прошедшего времени; [а] в словах *корова, вода* ассоциировано с представлением субъекта; [у] в словах *корову, воду* - с представлением объекта и т.д. Благодаря подобным смысловым ассоциациям, элементы наших звуковых представлений и получают известную самостоятельность", тем самым становится возможным их изолирование, выделение.

3. "Элементы звуковых представлений, подобные русским" *a, u, c, t, k* и т.д. и полученные в результате изолирования, называются фонемами. Они психичны и потому социально значимы. И далее Л.В.Щерба предлагает следующее провизорное определение фонемы: фонема - "это кратчайший элемент общих акустических представлений данного языка, способный ассоциироваться в этом языке со смысловыми представлениями".

Являясь изолируемыми отрезками более общих акустических представлений, фонемы сами по себе также оказываются "общими представлениями, представлениями-типами, которым соответствует колеблющееся произношение".

4. Фонемы реализуются в речи в виде оттенков, которые зависят от конкретных фонетических условий. Исходя из этого "фонемами являются те оттенки, которые находятся в наименьшей зависимости от окружающих условий"

2. Метод оппозиций

Метод оппозиций как специальный метод и процедура фонологического анализа был разработан Н.С.Трубецким в рамках Пражской функциональной лингвистики.

Н.С.Трубецкой исходит из отчетливого противопоставления фонетики как науки о материальной стороне (звуков) человеческой речи фонологии как науке, которая исследует, "какие звуковые различия в данном языке связаны со смысловыми различиями, каковы соотношения различительных элементов (или "примет") и по каким правилам они сочетаются друг с другом в слова (и соответственно в предложения)". Фонологические элементы могут выполнять три различные функции: а) вершинообразующую, или кульминативную, когда указывают количество единиц в предложении (например, главное ударение в словах немецкого языка); б) разграничительную, или дели-митативную, когда указывают на границу между любыми двумя единицами в высказывании (например, сильный приступ в начальном гласном в немецком языке); в) смыслоразличительную, или дистинктивную, различая значащие единицы.

1. Всякое различие предполагает противоположение. Признак звука способен приобрести смыслоразличительную функцию, если он противопоставляется другому признаку, "если он является членом звуковой оппозиции (звукового противопоставления)".

2. Звуковые оппозиции (противопоставления), способные "дифференцировать значения двух слов данного языка", называются "фонологическими (или фонологически-дистинктивными или смыслоразличительными) оппозициями" ср.: *том : ком : лом : сом : ом* и т.д. Оппозиции, лишенные такой способности, называются фонологически несущественными, несмыслоразличительными. По допустимости/недопустимости одинаковых окружений звуки бывают взаимозаменяемыми и взаимоисключающими. Взаимоисключающие звуки (фонологические элементы) не образуют фонологических оппозиций, так как никогда не встречаются в одном и том же звуковом окружении.

По объему смыслоразличительной силы оппозиции делятся на:

а) постоянные - оппозиции, в которых две фонемы различаются во всех положениях;

б) нейтрализуемые - оппозиции, в которых фонологические противоположения нейтрализуются, снимаются; в позиции нейтрализации реализуется архифонема, представляющая собой "совокупность различительных признаков, общих для двух фонем". Архифонема может совпадать с одним из членов оппозиции или быть промежуточной между ними. Ср. русск. [т], [д] в словах *том - дом* и *рот - род*.

Метод оппозиций, несмотря на некоторые его недостатки, заслуженно занял одно из ведущих мест среди современных методов фонологического анализа. С ним связано также становление оригинальной теории грамматического описания, базирующейся на переносе системы понятий и методики анализа, разработанных на фонологическом материале, в область морфологии и семасиологии.

Лекция 8. Методы исследования языка на лексико-семантическом уровне

1. Метод семантического поля

Идеи и принципы семантического анализа языка, которые впоследствии были объединены под общим понятием метода семантического поля, складывались постепенно и восходят к концу XIX - началу XX вв. В числе тех, кто вплотную подошел к формулированию этих идей и принципов, отмечают, например, А.А.Потебню, М.М.Покровского, Р.Мейера, Г.Шпербера, Г.Ипсена и др.

Пытаясь найти систематизирующее начало в содержательной организации языка, академик М.М.Покровский писал в 1895 г. в своей работе "Семасиологические исследования в области древних языков": «Слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются в нашей душе, независимо от нашего сознания, в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению».

Рихард Мейер в работе 1910 г. выделяет три типа семантических систем (классов): 1) естественные (названия деревьев, животных, частей тела и пр.), 2) искусственные (названия воинских чинов, составные части механизмов и пр.), 3) полуискусственные (терминология охотников и рыбаков, названия этических понятий и т.д.).

Принципы метода семантического поля были сформулированы в 30-х годах XX в., и основоположником его по праву считается немецкий ученый Йост Трир.

Некоторые важнейшие постулаты, легшие в основу метода семантического поля Трира, сводятся к следующим моментам:

1. Вслед за Ф. де Соссюром Трир исходит из того, что язык определенного периода - это устойчивая и относительно замкнутая система, в которой слова наделены смыслами не в изолированном виде, а постольку, поскольку ими наделены и другие слова, смежные с первыми.

2. Общая система языка складывается из двух соотносительных друг с другом типов полей: а) понятийных полей, подразделяемых на элементарные единицы - понятия, и б) словесных полей, также подразделяемых на элементарные единицы - слова.

3. Единицы словесных полей полностью покрывают соответствующие понятийные поля, создавая своеобразную мозаику.

4. Семантические поля связаны между собой по принципу иерархичности подчинения (более широкие и более узкие). С течением времени семантические поля меняют свою структуру, тем самым изменяется лексическая система языка в целом.

Вслед за В.Гумбольдтом язык трактуется не как сражение объективной действительности, а как мировоззрение, характеризующееся самодовлеющей ценностью и по-своему расчленяющее действительность.

2. Метод описания по лексико-семантическим группам

О лексико-семантических группах (ЛСГ) вообще, в связи с описанием языка писали много и на материале разных языков. Однако выделение их проходило как обычный рабочий прием и не квалифицировалось в качестве самостоятельного метода. Серьезная попытка придать ему статус метода была предпринята Ф.П.Филиным в середине 50-х годов XX в. Подвергнув краткому критическому анализу теорию семантических полей Йоста Трира, которую он расценивает как разновидность семантического структурализма, слишком абстрактную и потому оторвавшуюся от "реальной языковой почвы", Ф.П.Филин противопоставляет ей теорию лексико-семантических групп. Что же такое лексико-семантическая группа и каким образом она выделяется?

1. Лексико-семантические группы слов "представляют собой объединения двух, нескольких или многих слов по их лексическим значениям". Под лексическим значением подразумевается при этом предметное содержание слова, т.е. соотносительность слова с миром вещей, явлений и т.д.

2. Лексико-семантические группы слов складываются исторически и не являются раз и навсегда данными.

3. Лексико-семантическая группа близка к тематической группе лексики, но вместе с тем существенно отличается от нее. При таком последовательном переходе от одного плана к другому по принципу детализации отчетливее проявляется и различие между ними. Так, например, названия частей тела человека объединяются в одну тематическую группу, однако между

ними может и не быть каких бы то ни было семантических связей, ср.: *спина и печень, голова и кожа, зуб и локоть; руки и ноги, без рук, без ног, глаза и уши.*

В тех случаях, когда тематические группы слишком ограничены, они могут совпадать с лексико-семантическими группами, тем самым обычно существующие между ними принципиальные различия нейтрализуются. Ф.П.Филин считает, что в отличие от слов тематических групп слова лексико-семантических групп характеризуются наличием между ними родо-видовых соотношений, ср.: *руки-ноги (-конечности)*. Однако и это не является определяющим. Существенно то, что "отношения между словами в тематических группах строятся только на внешних отношениях между понятиями <...> Иное дело лексико-семантические группы слов, представляющие собою внутреннее, специфическое явление языка, обусловленное ходом его исторического развития"¹²³. Ярким примером внутренней обусловленности компонентов лексико-семантических групп, согласно Ф.П.Филину, являются синонимы и антонимы.

Метод этот в разных его модификациях и вариантах достаточно широко используется в современной исследовательской и аналитической практике.

Лекция 9. Методы исследования языка на морфологическом уровне

Морфология как часть грамматики, которая занимается изучением совокупности грамматических категорий в их противопоставленности друг другу, а также способов их выражения, традиционно пользуется рядом специальных методов. С помощью этих методов достигнуты большие успехи в определении и квалификации различных явлений морфологического строя конкретных языков. Остановимся лишь на следующих из них.

1. Традиционно-комплексный метод

Если бы поставить вопрос, какая отрасль (какой раздел) языкознания зародилась раньше всего, то однозначно ответить на него было бы совсем не просто. Древнейшей областью лингвистики можно было бы назвать, например, и морфологию, и синтаксис, и семасиологию. Вместе с тем известно, что синтаксис как самостоятельная лингвистическая дисциплина даже в высокоразвитой европейской традиции выделяется не раньше конца XVIII - начала XIX вв.: к этому времени относятся первые развернутые синтаксические описания, ориентированные на материал конкретных национальных языков. Еще позже, примерно к середине XIX в., определяется семасиология. Означает ли это, что у истоков языкознания на многовековом пути его становления и развития стояла морфология, не связанная ни с синтаксисом, ни с семасиологией, автономная, обозначившаяся именно как морфология? Разумеется, нет. Морфология в современном понимании начинает существовать с того же времени, с какого существуют противостоящие ей по предмету, задачам и методам анализа синтаксис и семасиология. До этой дифференциации морфологии так же не было, как не было синтаксиса и семасиологии. Лингвистическая традиция в силу исторических причин была синкретична: аспекты анализа, изучения, оценки языковых фактов еще не обозначились. Со временем входят в лингвистический оборот собственно морфологические понятия *падеж, склонение, спряжение, время, вид, словоизменение, форма* и т.д., служащие для характеристики соответствующих классов слов, что протекало параллельно с углублением и детализацией идей, связанных с классификацией частей речи. Наиболее полно учение о частях речи в античной традиции было сформулировано в александрийской школе грамматики. В дальнейшем, вплоть до наших дней, это учение совершенствовалось, уточнялось, расширялось, подвергалось почти непрерывной критике, но тем не менее продолжало и продолжает существовать в различных его вариантах. Таким образом, так называемые "акциденциальные", т.е. собственно морфологические, словоизменительные, параметры частей речи были определены лишь потом, когда само понятие о частях речи уже сложилось на иной, неморфологической основе, которая опять-таки не была однородной.

Суммируя сказанное, можно заключить: грамматическое учение о частях речи, принципиально соответствуя конкретным и многообразным языковым фактам и представляя возможность достаточно строго систематизировать их, безусловно, означало заметный шаг вперед по пути поступательного развития науки о языке. Выводы, как и учение в целом, были сформулированы с использованием вполне ясных приемов и принципов наблюдения над языковыми фактами. Последовательность, с которой их применяли, свидетельствует о том, что они составляли не случайную совокупность, а метод, не лишенный внутренней логики и целостности. Условно его можно назвать *традиционно-комплексным*.

Сторонники этого метода исходят из ряда положений:

1. Признавая понятие о частях речи одним из фундаментальных в науке о языке, они справедливо считают, что это понятие не поддается однозначному и одномерному определению.
2. Поэтому определение его должно быть многомерным, многосторонним, комплексным. Каждый из названных аспектов анализа слов с точки зрения определения принадлежности их к той или иной части речи, конечно, автономен в том смысле, что в любом случае можно прийти к вполне конкретным и достаточно убедительным результатам. В самом деле, если обратиться к произвольно взятой группе слов *стол, письмо, ручка, рисовать, ходить, петь, красивый, высокий, сегодня, завтра*, то при всех различиях представляемых ими лексических значений они сравнительно легко интуицией объединяются в группы: а) *стол, письмо, ручка*; б) *рисовать, ходить, петь*; в) *красивый, высокий*; г) *сегодня, завтра*.

Внутри групп составляющие их связаны между собой общей идеей, общим смыслом, благодаря чему, собственно говоря, они оказываются способными выражать те лексические значения, которые они реально выражают. По той же причине группы в целом тоже противопоставлены друг другу. Общий смысл, объединяющий слова группы а) обобщенное значение предметности, субстанции; б) обобщенное значение действия; в) обобщенное значение признака; г) обобщенное значение времени.

Условно говоря, эти значения соотносятся с лексическими значениями примерно так же, как алгебраические выражения - с арифметическими. Если обобщенное значение предметности обозначить символом S, то оно может быть реализовано конкретными единицами практически бесконечного ряда слов данного языка, обозначающих предметность, например: S - [улица, дом, корова, небо, звезда, муравей, вода, ножницы, Москва, Петр, старина, высота и т.д.]. Подобное обобщенное значение называется категориальным, или, по современной терминологии, "глубинным". Это категориальное, "глубинное" значение частей речи, замеченное еще в глубокой древности, традиционно и обоснованно принимается в качестве необходимого критерия при разграничении, классификации частей речи.

Традиционно-комплексный метод широко используется в современном языкознании при изучении самых разных языков. Он выдержал испытание не только временем, но и огромным разнообразием языкового материала.

Попытки, предпринимавшиеся в разные периоды истории языкознания, противопоставить ему одностороннюю ориентацию или на семантику, или на синтаксис, или на морфологию не только оказались безуспешными, но и лишней раз подтвердили его жизнеспособность и эффективность.

2. Метод оппозиций (противопоставлений).

Основы метода оппозиций зародились в недрах классического (традиционного) языкознания очень давно. Иначе не могло и быть, поскольку оценка любого факта языка предполагает обязательное сопоставление его с другими, аналогичными ему. Так, например, М.В.Ломоносов находил, что русское "неопределенное наклонение" (инфинитив) может выражать пять различных значений в зависимости от сочетающихся с

ним морфологических показателей (частиц): "неизвестное следствие" (инфинитив + *ли*), "отчаяние о желаемом" (инфинитив + *не*), "начинательность" (*было* + инфинитив), "раскаяние в том, что не сделалось" (инфинитив + *было*), "принуждение" (*быть* + инфинитив)¹⁶³. Столь подробное описание значений инфинитивных конструкций в русском литературном языке XVIII в. было бы невозможно без учета противопоставленности каждой из них в рамках единой парадигмы.

Однако метод оппозиций в его современном толковании был разработан представителями Пражской лингвистической школы, сначала - применительно к фонологии, затем - применительно к морфологии. Непосредственной базой для теории морфологических оппозиций послужило учение Н.С.Трубецкого о фонологических оппозициях¹⁶⁵.

Основной единицей языка на морфологическом уровне, согласно Пражской школе, является морфема, квалифицируемая как пучок элементарных морфологических оппозиций (например, числа, лица, вида, падежа и тд.). В условиях различных оппозиций она разлагается на элементарные значения (семы). Так, русская глагольная форма *бегут* включает в себя сему числа, выявляемую в противоположении *бегут: бежит*, сему лица, выявляемую в противоположении *бегут: бежим*, сему времени, выявляемую в противоположении *бегут: бежали (будут бежать)*, и тд.

Считается, что морфологические оппозиции, как и фонологические, по образцу которых они формулируются, могут нейтрализоваться (так, неодушевленные существительные в русском языке не различаются в именительном и винительном падежах).

Морфологические оппозиции всегда рассматриваются как бинарные (двучленные) структуры независимо от того, какой факт грамматической структуры языка изучается.

Лекция 10. Методы анализа языка на уровне предложения.

1. Логико-синтаксический метод

Методы и приемы синтаксического анализа языка складывались в течение длительного времени. Раньше других определились они в рамках так называемого логико-грамматического направления. И это естественно, поскольку синтаксическая наука в целом формировалась с опорой на логику. Первые опыты синтаксического анализа представляют собой попытки перенести понятия логики на грамматику, синтаксис. Так появляются синтаксические понятия *предложение, подлежащее, сказуемое*, параллельные логическим понятиям *суждение, субъект, предикат* и ориентированные на них. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к тому, как эти понятия определялись: 1) "Предмет, о котором мы судим, называется подлежащим..."; 2) "То, что мы думаем или судим о предмете (о подлежащем), именуется сказуемым..."; 3) "Присоединение сказуемого к подлежащему именуется суждением"; 4) "Суждение, выраженное словами, есть предложение. Отчетливо принципы и содержание этого метода, получившего впоследствии название логико-синтаксического, были сформулированы в России в середине XIX в. Большой вклад в разработку логико-синтаксического метода в русском языкознании внесли профессор Н.И.Греч, академик И.И.Давыдов, академик Ф.И.Буслаев. Из западноевропейских ученых наиболее влиятельным был профессор К.Беккер, который и считается основоположником логико-грамматического направления в изучении языка.

В своем практически-школьном применении смысл и содержание логико-синтаксического метода сводятся к следующему:

- 1) предполагается, что предложение состоит, складывается из отдельных членов;
- 2) члены предложения по их конструктивному и семантическому весу неоднородны;
- 3) сами принципы распознавания второстепенных членов предложения оказались неясными и расплывчатыми;
- 4) оставались не до конца выявленными конструктивные возможности главных и второстепенных членов предложения. Ср., напр., конструктивную роль тех и других в следующем предложе-

нии: В числе молодых людей, отправленных Петром Великим в чужие края для приобретения сведений, необходимых государству преобразованному, находился его крестник, арап Ибрагим (А.С.Пушкин. Арап Петра Великого).

Несмотря на эти существенные недостатки, логико-синтаксический метод сыграл важную положительную роль в истории языкознания и продолжает оставаться действующим и поныне.

2. Формально-грамматический метод

Формальный подход к анализу синтаксических явлений (шире-грамматических в целом) в русском языкознании справедливо связывают со школой академика Ф.Ф.Фортунатова. Однако на этом основании саму эту лингвистическую школу нельзя квалифицировать как сугубо формальную, поскольку к ней относятся довольно разные ученые, имеющие свои оригинальные синтаксические концепции. Достаточно назвать имена хотя бы таких ученых, как А.А.Шахматов, А.М.Пешковский, М.Н.Петерсон, столь мало похожих по их синтаксическим концепциям, хотя все они в том или ином отношении развивали идеи их общего учителя - Ф.Ф.Фортунатова.

Формально-синтаксический метод наиболее последовательно реализован в работах М.Н.Петерсона.

М.Н.Петерсон вслед за Ф.Ф.Фортунатовым исходил из того, что предметом синтаксиса является словосочетание. Отсюда задача синтаксиса отдельного языка, по М.Н.Петерсону, сводится, во-первых, к описанию всех типов словосочетаний и их функций, что составляет предмет описательного синтаксиса; во-вторых, к "определению происхождения типов словосочетаний и соединений словосочетаний, определению их основных функций" в истории языка.

Непосредственное содержание описательного синтаксиса русского языка складывается, согласно М.Н.Петерсону, из двух разделов: 1) описания соединений слов (т.е. словосочетаний) и 2) описания соединений словосочетаний.

Однако следует заметить, что у М.Н.Петерсона остается неочерченным место однословных предложений, поскольку синтаксис определяется им как наука о словосочетаниях.

3. Синтагматический анализ предложения

Синтагматическое изучение речи как самостоятельный тип синтаксического анализа предложения утверждается в основном в XX веке, хотя как прием стилистического рассмотрения языка восходит к традициям античности.

Основной единицей синтагматического анализа является синтагма, что в переводе с греческого значит *вместе построенное*.

Синтагма как синтаксический термин появляется, по свидетельству В.В.Виноградова, почти одновременно в русском и западноевропейском языкознании, но в различных значениях, идущих соответственно от И.А.Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра. Различные толкования понятия *синтагма* обуславливают то, что перед синтагматическим анализом в русской и западноевропейской лингвистических традициях ставились совершенно несхожие задачи. Поэтому следует говорить, в сущности, о двух типах синтагматического анализа: 1) о типе, восходящем к идеям И.А.Бодуэна де Куртенэ и Л.В.Щербы, и 2) о типе, восходящем к идеям Ф. де Соссюра. Рассмотрим их по отдельности.

В русском языкознании, как уже отмечалось, термин *синтагма* был введен в научный оборот И.А.Бодуэном де Куртенэ, который определял синтагму в противоположении лексеме: синтагма - это элемент связной речи, в то время как лексема - это совокупность соотносительных форм языка и внутренне связывающих их значений. Так, предложение *Клин клином вышибай* включает в себя три синтагмы, но две лексемы - *клин* и *вышибать*; предложение *Едет беда на беде, беда бедой погоняет* состоит из шести синтагм, а лексем - три, не считая служебного слова *на*, не образующего синтагму.

Учение Ф. де Соссюра о синтагме, его методика синтагматического членения применительно к русскому языку наиболее последовательно реализованы в работе С.О.Карцевского "Повторительный курс русского языка".

Синтагма, по С.О.Карцевскому, - это комбинация определяемого и определяющего. Если определяемое и определяющее обозначить соответственно через Т и Т', то синтагма имеет формулу ТТ' или ТТ'. Во внешней синтагме определяющее слово связано с определяемым отношением, близким к подчинению в толковании формальной грамматики, которое может быть трех видов: 1) согласование, 2) управление и 3) примыкание. Отсюда - три типа непредикативных синтагм: а) определительные синтагмы - с непредикативным согласующимся определяющим: *красный шар, жар-птица, пароход "Волга"*; б) дополнительные синтагмы - с непредикативным управляемым определяющим: *написать письмо, лекция прочитана студентом*; в) обстоятельственные синтагмы - с непредикативным примыкающим определяющим: *хорошо прочитать, пойдет работать*.

Отдельно выделяются синтагмы предикативные, которым, в отличие от обычных, "принадлежит главная роль в языке, потому что подобные синтагмы выражают законченную мысль и готовы в любой момент служить фразой". В предикативной синтагме определяющее отнесено к определяемому вмешательством говорящего лица, связанным с его отношением к содержанию высказывания и ко времени: *Мальчик читает*.

Предикативные определяющие тоже связаны со своими определяемыми отношениями согласования, управления и примыкания, которые в противовес обычным являются предикативными, напр.: *Мальчик читает; Я читаю* (предикативное согласование); *Он был врачом; Пугачев был росту среднего; Она оказалась больной; Он здесь учителем* (предикативное управление). Синтагматический анализ, предложенный С.О.Карцевским на основе соссюровского понимания синтагмы, оказывается узким и во многом механистичным. Он не способен охватить всю совокупность отношений, действительно имеющих место в предложении, и в этом главный его недостаток.

Лекция 11. Методы социолингвистики

1. Методы полевого исследования

2. Методы моделирования социально обусловленной вариантности языка

Методы социолингвистики представляют собой синтез лингвистических и социологических процедур. Они подразделяются на методы **полевого исследования** и **методы социолингвистического анализа языкового материала**. Методы полевого исследования включают **анкетирование, интервьюирование, непосредственное наблюдение**. Опросники, используемые при заочном выборочном анкетировании, существенно отличаются от социологических анкет характером и числом вопросов, а также стратегией опроса, определяемой его задачей - получить сведения о речи информанта. Большое внимание уделяется составлению программы и разработке техники интервью. Для получения достоверных данных о влиянии ситуативных параметров на речь информантов тщательно контролируют языковую ситуацию, стимулируя либо естественно-непринужденную речь, либо сознательную ориентацию на престижный эталон. Наблюдения над речевой деятельностью информантов строятся таким образом, чтобы исключить или свести до минимума влияние наблюдателя на их речевое поведение. Иногда проводится т.н. включенное наблюдение, при котором наблюдатель выступает не в роли интервьюера, а в качестве одного из участников коммуникативного акта.

Для обработки данных полевых наблюдений используются разновидности корреляционного анализа. Для социолингвистики типичны корреляции, в которых в качестве независимых переменных выступают те или иные социальные параметры, стратификационные или ситуативные, а в качестве зависимых - языковые явления. Между коррелятами отмечается как полная, так и неполная функциональная зависимость.

Зависимости описываются отдельно по каждому социальному разрезу и комментируются с содержательной (социолингвистической) стороны. Для этого используются табличные данные, графики зависимостей, математико-статистические методы.

Получили распространение некоторые **методы моделирования социально обусловленной вариантности языка** с помощью т.н. вариативных правил, соединяющих в себе элементы порождающей модели с той вероятностной моделью, которая лежит в основе статистического анализа речевой деятельности. Для анализа социально детерминированной вариативности в ситуациях языкового континуума используется импликационная волновая модель, позволяющая установить социальную иерархию языковых вариаций и связать их синхронный анализ с анализом диахронным. В основе этой модели лежит гипотеза о волнообразном распространении языковых инноваций в пространственном и социальном измерениях.

Литература

1. Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку / В.М. Алпатов // Вопросы языкознания. - 1993. - № 3. - С. 15-26.
2. Барбазюк В.Ю. Возникновение синергетической парадигмы в языкознании / В.Ю. Барбазюк. - *Lingua mobilis*. - 2010. - № 6 (25). - С.12-19.
3. Бугорская Н.В. Антропоцентризм как категория современного языкознания / Н.В. Бугорская // Вопросы психолингвистики. - 2004. - № 2. - С. 18-25.
4. Васильева С.Г. И.А. Бодуэн де Куртенэ и антропоцентрическая парадигма лингвистики XX в. / С.Г. Васильева // Русский язык: исторические судьбы и современность : сборник тезисов II Международного конгресса исследователей русского языка. - М., 2004. - Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~rlc2004/ru/participants/psearch.php?pid=94128>.
5. Караулов Ю.Н. О предпосылках включения «языковой личности» в объект науки о языке / Ю.Н. Караулов // Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов; отв. ред. Д.Н. Шмелев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. - М.: Наука, 1987. - С. 11-27.
6. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // Вопросы когнитивной лингвистики. - 2004. - № 1(001). - С. 6-17.
7. Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус / Е.С. Кубрякова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. - М., 1994. - Т. 53. - № 2. - С. 3-15.
8. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие / В.А. Маслова. - М.: Academia, 2001. - 208 с.
9. Паршин П.Б. теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века / П.Б. Паршин // Вопросы языкознания. - 1996. - № 2. - С. 19-42.
10. Руденко Д.И. Имя в парадигмах «философии языка» / Д.И. Руденко. - Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1990. - 299 с.
11. Руденко Д.И. Лингвофилософские парадигма: границы языка и границы культуры / Д.И. Руденко // Философия языка: в границах и вне границ : международная серия монографий / [ред. Ю.С. Степанов]. - Харьков: Око, 1993. - Вып 1.

12. Серио П. В поисках четвертой парадигмы / П. Серио // Философия языка: в границах и вне границ : международная серия монографий / [ред. Ю.С. Степанов]. - Харьков: Око, 1993. - Вып. 1.
13. Угланова И.А. Существует ли мейнстрим в современной лингвистике? / И.А. Угланова // Филологические заметки: межвузовский сборник научных трудов : в 2 ч. / [отв. ред. Т.И. Ерофеева, Я. Мойсеева-Гушева, Ж. Кнап]. - Пермь: Пермский гос. ун-т; Любляна: Ун-т в Любляне, 2003 - Ч.1. - С. 163-173. - Вып. 4.
14. Хомутова Т.Н. Научные парадигмы в лингвистике / Т.Н. Хомутова // Вестник Челябинского государственного университета. - 2009. - № 35 (173). - С. 142-151. - Филология. Искусствоведение. Вып. 37.
15. Schiffrin D. Approaches to Discourse / D. Schiffrin. - Cambridge, MA: Blackwell Publishers Inc., 1995. - 470 p.